

вовсе или предполагается уже извѣстнымъ, что, конечно, затрудняетъ чтеніе книги для читателей, незнакомыхъ съ историческими подробностями изображаемой эпохи.

Характеризуя положеніе Франціи въ началѣ царствованія Людовика XVI, авторъ останавливается прежде всего на роли королевской власти. „Въ самомъ всеилии власти,—говоритъ онъ,—была ея слабость. Ставъ всеѣмъ въ государствѣ, королевская власть взяла на себя непосильную задачу замѣнить собою силу общественную. Не допуская политической самостоятельности общества, она приняла на себя отвѣтственность за все, происходящее въ государствѣ, и не только за то, что дѣлалось, но и за то, что не дѣлалось и чего она не въ силахъ была бы сдѣлать“. Въ то время, какъ высшія сословія пользовались многочисленными феодальными привилегіями, положеніе крестьянства было почти отчаянное. „Въ обыкновенные негодные годы, хлѣбъ, смѣшанный изъ ячменя и ржаной муки съ отрубями, составлялъ постоянную пищу, которой къ веснѣ уже не хватало... Крестьянскія хижины напоминали собою хлѣвъ, а вовсе не походили на человѣческое жильё. Низкія, плохо крытыя соломой, безъ оконъ, съ однимъ отверстіемъ, которое служило и дверью, и для выхода дыма,—таковы были крестьянскія избы того времени... При такихъ условіяхъ жизни, когда самое упорное прилежаніе не выводило человѣка дальше нищеты, нельзя ожидать предпримчивости, энергіи или даже прилежанія. Мѣсто этихъ качествъ занимаютъ апатія, неповоротливость, лѣнь“. Всѣ налоги взимались съ низшаго сельскаго и городского населенія; финансовая система исходила изъ того правила, что „чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ больше плати“; отсюда хроническіе дефициты, прикрываемые обманчивыми и неблагоприятными спекуляціями. Назначеніе Тюрго министромъ было однимъ изъ немногихъ удачныхъ дѣйствій молодого короля, лишеннаго самостоятельности характера и легко поддававагосся вліяніямъ легкомысленной придворной атмосферы. Тюрго, по словамъ автора, „былъ, что называется, работающій человѣкъ; у него дѣло спорилось“; онъ „не справлялся съ своими личными интересами, когда дѣло шло о правдѣ“; онъ былъ человѣкъ искренній и притомъ застѣнчивый; онъ „даже не могъ говорить свободно въ присутствіи мало знакомыхъ людей“, такъ что часто „сухость—результатъ застѣнчивости—принималась за гордость, грубость и нетерпимость“.

Говоря о первыхъ дѣйствіяхъ Тюрго по вступленіи въ министерство, авторъ слишкомъ мало заботится о хронологіи; онъ обозначаетъ время мѣсяцами, не указывая, къ какому именно году они относятся. Эта общая черта проходитъ черезъ всю историческую часть книги. Послѣ подробнаго очерка стѣснительныхъ хлѣбныхъ